

Годунов с Юго-Западной

В этом сезоне в Москве стало на один оперный театр больше. Здание театра «Новая опера» в саду «Эрмитаж» было официально открыто еще в декабре прошлого года, однако строительные работы продолжались до конца нынешнего лета — ни о каких спектаклях, разумеется, не могло быть и речи. Перед началом театрального сезона худрук «Новой оперы» Евгений Колобов на общем собрании труппы сообщил, что с зарплатой будет туго, однако, несмотря на финансовый кризис, правительство Москвы выделило 400 тысяч долларов на закупку оркестровых инструментов и на постановочное оборудование. Это значит, что уже 20 сентября на сцене нового театра состоится первая премьера — опера «Борис Годунов» М. Мусоргского в постановке Валерия Беляковича. В небольшом перерыве между авральными репетициями мы встретились с режиссером.

— Валерий Романович, это ваш первый опыт работы в опере?

— Да. Вообще-то оперу никогда не любил и считал, что это очень скучно. Помню в детстве школьный культпоход в Кремлевский Дворец съездов на «Ивана Сусанина» — думал, с тоски помру.

Евгений Владимирович Колобов часто бывал в нашем «Театре на Юго-Западе», смотрел спектакли. Он то и пригласил меня. В таких случаях говорят: встреча была дарована судьбой. Репетировать начали еще в мае. Мы с артистами просто сходили с ума, ведь шел ремонт: пыль, грязь, запах краски. Но за период работы я в оперный жанр влюбился. Потому что я люблю острую форму — ненавижу «психологический театр» в его сегодняшнем виде, когда болтают на сцене — как в жизни.

— Чем привлекла вас идея постановки «Бориса Годунова»?

— Это один из самых великих сюжетов в драматургии. Пушкин не зря обратился к этой теме — тут и

народ, и борьба за власть... Посмотрите, сколько лет прошло, а проблемы все те же. По телевидению недавно шла передача «Суд идет» — там я был судьей. Шахтеры-забастовщики с Горбачеваго моста передо мной проходили. Я пытался разобраться. На мой взгляд, проблемы эти практически неразрешимы. Чтобы развязать нынешний узел — нужна такая светлая голова! В пушкинском «Борисе» узел разрубает смерть — быть может, и у нас в стране к власти придет какой-нибудь самозванец. Опера эта очень современна!

— Вас не пугает политика?

— Политикой не занимаюсь — я решаю свои проблемы. Меня вообще ничего не пугает, даже нынешний обвал рубля. Да, жить будет трудно — а когда нам жилось легко?! Вся история России — обвал за обвалом.

— Приходилось ли вам ставить «Бориса Годунова» в своем драматическом театре?

— Нет. Но тот исторический период меня занимает уже давно. Год назад поставил «Козьму Минина» Островского. Хотелось бы обратиться к этому сюжету и в драме, только уже не по Пушкину, а по Толстому. Это была бы диалогия — интересно рассмотреть времена Ивана Грозного и Федора Иоанновича.

Но в сегодняшней оперной постановке для меня важна драма самого Бориса. Этот спектакль — о трагедии человека. В своем театре я играю роль Клавдия, который отравил брата и женился на Гертруде. Борис напоминает мне Клавдия — тот ведь тоже шел к власти путем интриг. У Клавдия есть монолог: «Удушлив смрад злодейства моего». С Годуновым же — загадка: убил ли он царевича в действительности или нет. Если не убил — почему так страдает? Мы с Колобовым об этом горячо спорили — он утверждает, что страдания Бориса от того, что его не понимает и не принимает народ. Я убежден: Борис убил! Иначе почему же ему мерещатся «мальчики

АКАДИИ ГУРСКИЙ.

окровавленные». Трагедия Бориса — это трагедия совести. Ну как можно жить после убийства!

Когда мы пытаемся объяснить любовь, измену, убийство — стараемся привести примеры. Но как сейчас объяснить человеку, что убийство связано со страданиями. Ведь сегодня стреляют каждый день и убийство стало нормой жизни. Сегодня убивают и не страдают. Там Борис убил Димитрия — и как разрывается. А у нас в Чечне сколько убито — не каемся...

— Как складываются у вас отношения с труппой?

— Мне здесь говорят: «Ты наш режиссер». Работается легко, иногда подшучиваю над актерами — мне нравятся давать прозвища. Так актеру, играющему Варлааму, сперва нахлобучили забавный парик — за это я окрестил его Робинзоном, а его партнера — Пятницей. Легко работать и с Колобовым — он музыкальный руководитель постановки, а режиссура доверена мне полностью.

— Собираетесь ли продолжить работу с оперным жанром?

— Если будет угодно судьбе, то с удовольствием! Я почувствовал здесь запах крови. Мне здесь нравится.

Михаил МАЛЫХИН.